

И.П. ГЛАЗЫРИНА*, **

*Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН,
672014, Чита, ул. Недорезова, 16а, Россия, iglazyrina@bk.ru, peshkov_ae@mail.ru**Забайкальский государственный университет,
672039, Чита, ул. Александрo-Заводская, 30, Россия, iglazyrina@bk.ru, peshkov_ae@mail.ru**ТУРИЗМ НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ РОССИИ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА**

Проведено сравнение динамики развития туризма в европейской и азиатской частях России на примере Москвы, Санкт-Петербурга, Калининградской области, Краснодарского и Ставропольского краев, южных регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока России в период с 2009 по 2017 г. Установлено, что по совокупности факторов привлекательность туристических услуг в этот период, несмотря на чувствительные для экономики шоки, выросла во всех рассматриваемых регионах западной группы и почти во всех восточной (за исключением Забайкальского края). Анализ динамики налоговых поступлений в бюджетную систему РФ и доходов коллективных средств размещения выявил противоречивые тенденции. Для развития туризма на востоке и западе России характерно увеличение туристического потока, однако экономические последствия этой тенденции неодинаковы, и в этом проявляются различия историко-географических и социально-экономических условий. Это требует разных управленческих решений, поскольку правила регулирования туристской деятельности, эффективные на западе, где уже созданы соответствующие спросу инфраструктурные условия, могут «не работать» на востоке, где сохраняются многочисленные проблемы, связанные с состоянием дорог, средозащитных сооружений, с жилищно-коммунальными услугами и др.

Ключевые слова: туристический поток, туристская инфраструктура, динамика налоговых поступлений, доходы коллективных средств размещения, трансграничная асимметрия.

I.P. GLAZYRINA*, **

*Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
672014, Chita, ul. Nedorezova, 16a, Russia, iglazyrina@bk.ru, peshkov_ae@mail.ru**Transbaikal State University,
672039, Chita, ul. Aleksandro-Zavodskaya, 30, Russia, iglazyrina@bk.ru, peshkov_ae@mail.ru**TOURISM IN THE EAST AND WEST OF RUSSIA: A COMPARATIVE ANALYSIS**

We compared the dynamics of development of tourism in the European and the Asian parts of Russia on the example of Moscow, Saint-Petersburg, the Kaliningrad region, the Krasnodar and Stavropol territories, the southern regions of Eastern Siberia and the Far East of Russia for the period from 2009 to 2017. It has been found that a combination of factors in the attractiveness of tourist services during that period increased in all regions of the western group and in almost all groups of the eastern group (with the exception of Zabaikalskii krai), in spite of the sensitive economic shocks. Analysis of the dynamics of tax revenues to the budget system of the Russian Federation and income of collective means of accommodation revealed contradictory trends. Tourism development in the East and West of Russia is characterized by an increase in tourist flow, but the economic consequences of this trend are different, and this shows differences in historical, geographical and socio-economic conditions. This requires different managerial decisions, because the rules of regulation of tourist activities, which are effective in the west where the infrastructure conditions complying with demand exist already, may not “work” in the East where there remain numerous problems associated with the state of roads, environmental protection facilities, housing and communal services, etc.

Keywords: tourist flow, tourism infrastructure, dynamics of tax revenues, income of collective means of accommodation, cross-border asymmetry.

ВВЕДЕНИЕ

Южные регионы Восточной Сибири и Дальнего Востока, экономика которых исторически базировалась на использовании природно-ресурсного потенциала, и в настоящее время сохраняют эту специализацию. Отличительной чертой последних двух десятилетий стала ориентация на экспортные

поставки в КНР и постоянное расширение трансграничных, прежде всего экономических, связей вследствие возрастающего спроса китайской экономики на сырьевые товары. Однако динамика этого спроса существенно изменилась: после 2014 г. внешние шоки и девальвация российского рубля значительно повлияли и на процессы на внутреннем рынке, и на доходность экспортно-импортных операций. Туристский сектор на востоке страны не мог не испытать этого воздействия по двум причинам. Во-первых, возросла привлекательность въездного туризма: рост уровня жизни в Китае привел к активному развитию сектора туристских услуг. Главным образом вырос спрос на услуги экономкласса. Для граждан КНР, заинтересованных в недорогом отдыхе, его экономическая сторона, — соотношение цен на различные товары, которые можно приобрести в другой стране, — очень важный фактор. Во-вторых, снижение курса национальной валюты и уровня доходов российских граждан сократило возможности недорогого отдыха за рубежом (преимущественно в Китае и странах Юго-Восточной Азии), популярного у жителей востока страны.

Для территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока развитие туристского сектора важно еще и потому, что сырьевые производства негативно воздействуют на окружающую среду, и это уже стало заметной проблемой, несмотря на низкую плотность населения [1]. Диверсификация экономической структуры, расширение сферы «зеленой» экономики [2] рассматриваются как один из надежных путей повышения привлекательности жизни в этих местах. На востоке России, где число значимых памятников истории и культуры относительно невелико, главными объектами туристического интереса являются природные активы: красивые ландшафты, горы, реки и озера, минеральные источники. Поэтому туризм здесь по большей части экологический и/или рекреационно-оздоровительный [3, 4]. Устойчивое развитие такого туризма связано с качеством окружающей среды [5–7]. Таким образом, существует естественная экономическая заинтересованность бизнеса, специализирующегося на оказании туристских услуг, и органов государственного управления в бережном отношении к природным активам. Кроме того, связанное с туристской деятельностью совершенствование инфраструктуры и сферы услуг дает импульс к повышению качества жизни проживающих здесь граждан и тем самым к сохранению населения, что также важно для решения стратегических задач на востоке страны.

Цель данной работы — выявить и проанализировать тенденции развития туристского сектора в нестабильный период с 2009 по 2017 г., особенно после 2014 г., а также сравнить в этом контексте количественные показатели на западе и востоке России. Нестационарность проявилась в нескольких очень серьезных для экономики России шоках, в том числе внешних. Одним из последствий мирового кризиса 2008–2009 гг. в реалиях российской экономики (высокая доля сырьевого сектора) стало падение ВВП России на 9 % и волатильность валютного курса. Послекризисное восстановление экономического роста уже к 2012 г. исчерпало свой потенциал, на что повлияло и изменение экономической стратегии КНР с переориентацией на высокотехнологичные сектора и уменьшение ресурсной зависимости. Особенно чувствительным это было для экспорта природного сырья из восточных регионов. Наконец, геополитические изменения 2014 г. (присоединение Крыма, события в Донбассе), за которыми последовали резкая девальвация российского рубля и западные санкции, также стали источником экономических шоков, значимость которых оказалась выше ожиданий.

Группа восточных регионов в нашем исследовании представлена Приморским, Хабаровским, Забайкальским и Алтайским краями, Бурятией, Иркутской и Амурской областями. Группа западных регионов включает в себя Москву, Санкт-Петербург, Краснодарский и Ставропольский края, Калининградскую область. В качестве информационной основы были использованы интернет-порталы федеральных и региональных органов, а также Росстата.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

Сравнение динамики туристических потоков на западе и на востоке России демонстрирует существенные различия в период с 2009 по 2017 г., характеризующийся высокой степенью нестабильности как внешних, так и внутренних условий развития. На рис. 1 представлены данные об общем туристическом потоке, включающем внутренний и внешний. Несмотря на внешние шоки, особенно после 2014 г., потоки туристов в западной группе регионов устойчиво росли. В восточных приграничных регионах в 2014–2015 гг. отмечалось падение, обусловленное сокращением числа граждан, которые могут себе позволить организованный отдых, вследствие снижения доходов. Возросла доля «самостоятельных» российских отдыхающих, которые обычно не попадают в поле зрения официальной статистики. В 2016–2017 гг. фиксируется резкий рост турпотока во все регионы, за исключением Забайкальского края. Основной его причиной стало повышение привлекательности поездок в Россию

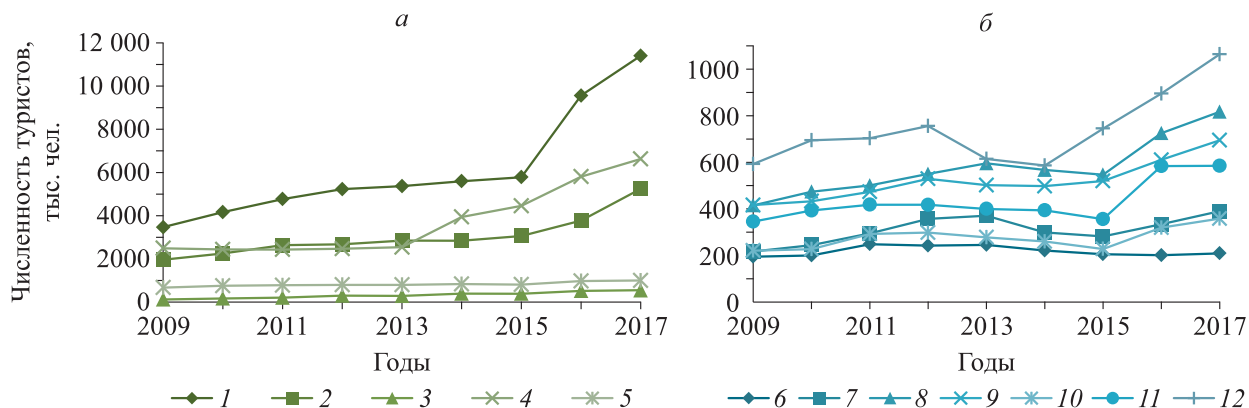

Рис. 1. Динамика численности туристов, посетивших регионы западной (а) и восточной (б) групп. Здесь и далее (рис. 2, 4) расчеты авторов выполнены с использованием данных Ростуризма.

Западная группа: 1 — Москва, 2 — Санкт-Петербург, 3 — Калининградская область, 4 — Краснодарский край, 5 — Ставропольский край; восточная группа: 6 — Забайкальский край, 7 — Республика Бурятия, 8 — Иркутская область, 9 — Алтайский край, 10 — Амурская область, 11 — Хабаровский край, 12 — Приморский край.

из-за девальвации рубля. В целом с 2009 по 2017 г. количество туристов увеличилось во всех регионах, однако в разной степени. Кроме того, выросло число «внутренних» туристов.

Оценить влияние внешних шоков на российскую экономику поможет анализ динамики въездного туризма (рис. 2). В 2017 г. отмечалось увеличение численности иностранных туристов во всех регионах по сравнению с 2009 г. Однако динамика турпотока на востоке и на западе имеет свои особенности. На востоке страны наибольшей популярностью пользуется Приморский край, где в 2012 г. наблюдался всплеск посещений в связи с Саммитом АТЭС. Аналогично резкий рост численности иностранных туристов в Краснодарском крае в 2014 г. объясняется проведением зимних Олимпийских игр в Сочи. После 2014 г. темпы роста на востоке страны (в Иркутской области, Республике Бурятия, в Приморском и Хабаровском краях) были существенно выше, чем в Москве и Санкт-Петербурге. Это объясняется близостью восточных регионов к Китаю, хотя количество китайских туристов выросло везде после девальвации российской валюты. Резкое увеличение туристов из КНР, посещающих оз. Байкал, уже создает серьезные экологические проблемы и социальную напряженность в Бурятии и Иркутской области (в 2017 г. число туристов из КНР в Иркутскую область составило 135 тыс. чел. [8]).

Рост туристических потоков привел к увеличению налоговых поступлений, однако их динамика на востоке и на западе различна (рис. 3). По западной группе регионов можно сделать вывод, что налоговые доходы растут в целом пропорционально росту числа туристов. Стоит отметить падение налоговых доходов от туризма в 2014 г. по сравнению с предыдущим годом в Москве (на 18 %) и Краснодарском крае (на 20 %), хотя поток туристов за тот же период вырос на 4 и 55 % соответственно. Некоторое снижение произошло также в Санкт-Петербурге (на 14 %). Одна из причин этого —

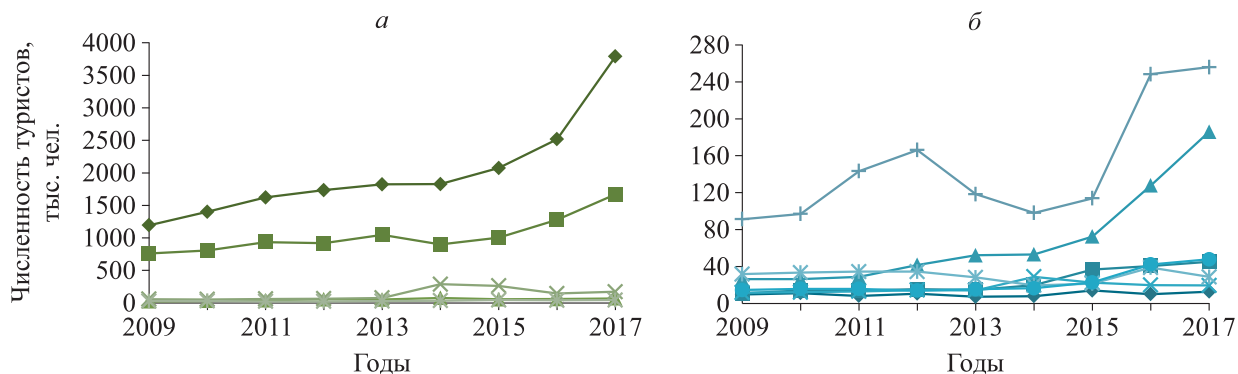

Рис. 2. Динамика численности иностранных туристов, посетивших регионы западной (а) и восточной (б) групп.

Усл. обозн. — см. рис. 1.

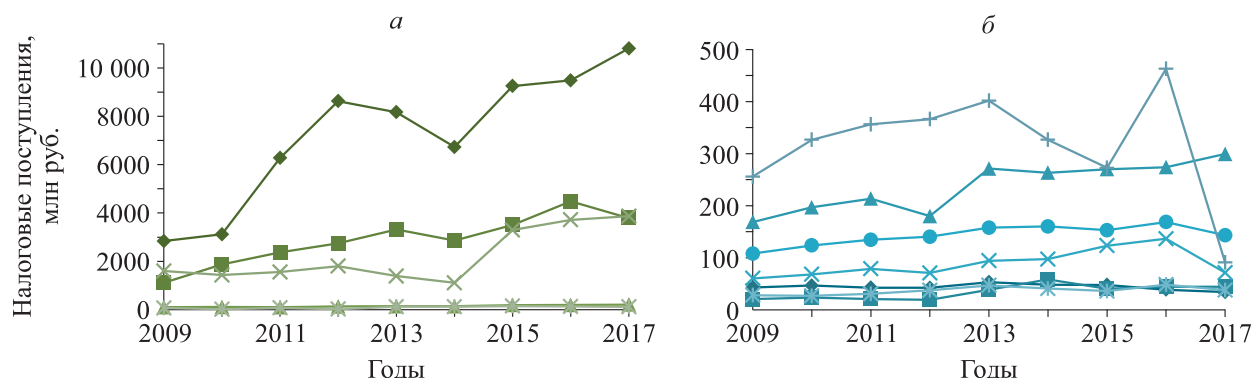

Рис. 3. Динамика налоговых поступлений в консолидированный бюджет РФ по западной (а) и восточной (б) группам регионов. Расчеты авторов выполнены с использованием данных Федеральной налоговой службы.

Усл. обозн. — см. рис. 1.

смещение доли услуг в более низкий ценовой сегмент из-за уменьшения доходов населения. Более детальный анализ по видам налогов показал, что в 2014 г. резко снизились поступления налога на добавленную стоимость (НДС). В Краснодарском крае в 2011, 2013 и 2014 гг. они принимают отрицательные значения: -668 , -338 и -797 млн руб. соответственно, что свидетельствует о возврате экспортного НДС.

На востоке России динамика налоговых доходов выглядит еще более противоречивой. Резкое их снижение в 2014 г. в Приморском крае можно объяснить сокращением туристического потока, однако падение налоговых доходов продолжилось и в 2015 г., когда турпоток по сравнению с предыдущим годом вырос на 27 %. Еще более неожиданным выглядит падение налоговых доходов в этом регионе в 2017 г. по сравнению с 2009 г., при увеличении количества туристов на 79 %. Снижение налогов в 2017 г. по сравнению с предыдущим годом наблюдалось в Забайкальском крае (на 12 %) и Амурской области (на 21 %) при росте количества туристов в этот же период на 4 и 12 % соответственно. В Иркутской области налоговые доходы от туризма с 2015 по 2017 г. выросли лишь на 9 %, тогда как количество туристов — почти в полтора раза. Отчасти это обусловлено, как и на западе страны, сокращением реальных доходов граждан после 2014 г. и, вследствие этого, смещением спроса в более низкий ценовой сегмент. Однако более значимым представляется «китайский фактор». В организации туристического потока из КНР есть свои особенности, в результате которых происходят «вымывание» добавленной стоимости из России и направление ее в Китай.

Еще один важный экономический показатель развития туристского сектора — динамика доходов коллективных средств размещения (КСР), т. е. гостиниц, турбаз, хостелов и т. д. Нами были проведены расчеты данного показателя в сопоставимых ценах (рис. 4), скорректированных с учетом индек-

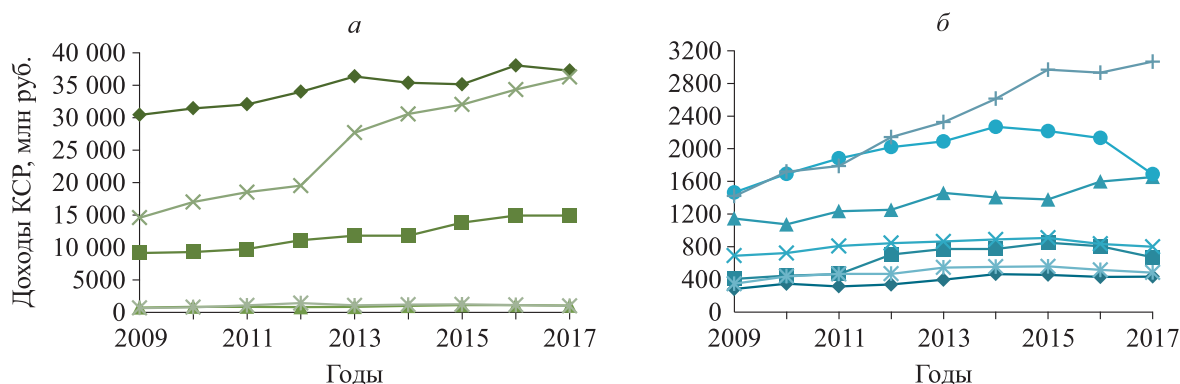

Рис. 4. Динамика доходов КСР в сопоставимых ценах по западной (а) и восточной (б) группам регионов.

Усл. обозн. — см. рис. 1.

са физического объема платных услуг населению для гостиниц и аналогичных средств размещения. В целом рост доходов соответствует увеличению числа туристов, однако в Москве и Санкт-Петербурге в 2015–2017 гг. скорость роста доходов заметно ниже скорости увеличения турпотока. Анализ динамики доходов КСР в текущих ценах говорит о том, что это не могло произойти вследствие снижения уровня цен на данные виды услуг.

В восточных регионах в 2015–2017 гг. почти везде наблюдалось существенное отставание динамики доходов КСР от темпов роста числа туристов. В Иркутской области эти доходы в текущих ценах выросли на 43 % при росте потока на 49 %, однако в сопоставимых — всего на 20 %. В Хабаровском и Забайкальском краях, Бурятии и Амурской области доходы КСР в сопоставимых ценах сократились на 24, 5, 21 и 14 % при росте числа потока туристов на 64, 2, 38 и 57 % соответственно. Согласно результатам эконометрических оценок, приведенным в работе [9], доходы собственно от размещения туристов сократились еще больше, поскольку существенная доля услуг КСР с размещением непосредственно не связана (доходы ресторанов, аренда торговых помещений в гостиничных комплексах и др.).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные данные говорят о том, что привлекательность туристских услуг в 2009–2017 гг. выросла во всех рассматриваемых регионах западной и восточной групп (за исключением Забайкальского края). Это можно отнести как к въездному, так и к внутреннему туризму. В 2014 г., в период зимней Олимпиады, число туристов, посетивших Москву и Краснодарский край, увеличилось, однако этот рост продолжился и в 2015–2017 гг. Таким образом, спрос оказался достаточно стабильным и не определяется разовыми масштабными событиями. На востоке страны происходят аналогичные процессы, что позволяет говорить об устойчивости спроса на услуги в сфере туризма.

В то же время экономические результаты деятельности туристского сектора в этот период противоречивы. Динамика доходов как налоговых, так и коммерческих за счет деятельности КСР не всегда соответствует динамике туристических потоков, прежде всего на востоке России. Здесь рекреационно-туристская деятельность во многом базируется на использовании природного капитала в широком смысле. Поэтому ее можно рассматривать как один из видов природопользования, что вполне соответствует исторической специализации территорий восточной части страны. При этом серьезную проблему представляет сырьевой характер основных производств. Развитие туризма, казалось бы, дает надежду на улучшение структуры региональных экономических систем и увеличение доли добавленной стоимости. В связи с этим создание условий для роста туристического потока — важная задача государственного регулирования для всех регионов.

Однако, судя по приведенным выше расчетам, на этом пути в восточных регионах не все так очевидно. Сравнительный анализ по регионам западной и восточной частей страны при заметном росте турпотоков показал, что в европейской группе данные более согласованы. Таким образом, значительное отставание темпов роста налоговых доходов от динамики численности туристов, в том числе иностранных, — это особенность восточных регионов России. В Забайкальском крае в 2009–2017 гг. при росте туристического потока на 7 % налоговые поступления сократились на 20 %, в Приморском крае при росте потока на 79 % налоговые поступления от деятельности гостиниц уменьшились более чем наполовину. Для сравнения: в Санкт-Петербурге за этот же период при увеличении числа туристов на 167 % налоговые поступления от деятельности гостиниц выросли на 240 %, в Москве этот показатель еще выше.

Подавляющее большинство иностранных туристов на востоке страны, в отличие от европейской части, — граждане Китая. Как уже отмечалось выше, организация туристических маршрутов и оплата услуг для туристов из КНР устроены таким образом, что на территории России остается минимальная доля добавленной стоимости. Китайские фирмы и туроператоры полностью контролируют этот бизнес, они формируют цепочки услуг, аналогичные тем, что нередко используют вертикально-интегрированные компании (ВИК) в минерально-сырьевом секторе с помощью нехитрого механизма трансфертных цен. В регионах при этом остается минимальная доля добавленной стоимости, большая часть которой «экспортируется» в Москву или другие места регистрации головного офиса ВИК. Китайские туристы практически полностью оплачивают туры в Китае, при этом в него включены основные услуги. На территории России создаются сети гостиниц, магазинов и ресторанов, бенефициарами которых также являются граждане и фирмы Китая, где работает преимущественно китайский персонал. Искусственно занижая стоимость услуг на российской стороне, они минимизируют НДС,

НДФЛ и налог на прибыль и в результате направляют лишь минимальные отчисления в российские бюджеты.

К настоящему времени известно немало случаев, когда граждане КНР, приобретая землю на побережье Байкала, строят якобы индивидуальные жилые дома достаточно большой площади. Впоследствии они используют эти помещения как гостиницы, но налогов не платят. При этом часто нарушаются санитарные и природоохранные нормы. В результате в Иркутской области участились экологические конфликты, возросла социальная напряженность, что подтверждается многочисленными свидетельствами в СМИ. Таким образом, мы фактически наблюдаем использование туристских ресурсов и территории как некоторого «сырья», основные выгоды от которого получает КНР.

Несогласованность динамики численности туристов, темпа роста налоговых поступлений и доходов гостиниц и других КСР в восточных приграничных регионах России позволяет предположить, что значительная часть доходов в этом сегменте находится в теневом секторе [9]. Одна из причин такого положения — слабость российских институтов (в том числе коррупция), которая проявляется в практике выделения земельных участков для строительства гостиниц. Высокие транзакционные издержки [10, 11] в процедурах решения этих вопросов также являются существенным фактором. Коррупционные схемы, слабый государственный контроль (в том числе экологический) создают условия для устойчивости такого бизнеса. Этим пользуются не только китайские, но и российские предприниматели, однако финансовые потоки со стороны КНР несопоставимо выше, поэтому доля «китайских» объектов неуклонно растет, и это дает возможность разрабатывать «сырьевые» схемы в организации туристического потока. В Иркутской области и Бурятии эта практика привела к недопустимому росту экологической нагрузки на многих участках побережья Байкала. Одним из региональных институциональных решений для преодоления этих тенденций может быть принятие Правил организации туризма и отдыха в Центральной экологической зоне Байкальской природной территории, основные принципы которых разработаны в Институте географии СО РАН [12, 13].

Стремление к увеличению числа туристов далеко не всегда оправдано и не является безусловным приоритетом для всех регионов, где есть привлекательные туристские объекты. Однако на востоке страны это может стать важной задачей для таких регионов, как Забайкальский край и Амурская область, природный рекреационно-туристский потенциал которых остается невостребованным. Основное препятствие для расширения туристской деятельности — некачественная инфраструктура (или ее отсутствие). Ошибкой представляется традиционный подход к туристским проектам как исключительно к коммерческим. Институт государственно-частного партнерства используется обычно лишь для масштабных проектов, и бенефициарами господдержки оказываются преимущественно предприятия минерально-сырьевого комплекса [14]. По мнению авторов, создание инфраструктуры, необходимой для развития рекреационно-туристского бизнеса в восточных приграничных регионах России, нельзя рассматривать отдельно от решения стратегической задачи повышения качества жизни местного населения для снижения оттока человеческого капитала. Последний фактор в настоящее время служит главным препятствием для формирования здесь современной экономики. Поэтому проекты государственно-частного партнерства, включающие инфраструктурные улучшения, на малоосвоенных территориях восточного приграничья следует рассматривать в том числе и как социальные, с соответствующими условиями и предпочтениями.

Инфраструктурные проблемы актуальны для всех восточных приграничных регионов. Однако для Иркутской области и Бурятии, точнее для побережья Байкала, первостепенное значение имеет снижение негативного антропогенного воздействия. Вопрос увеличения туристического потока здесь не стоит ввиду превышения экологической емкости территории на многих участках [15]. На первый план выходит задача создания современной средозащитной инфраструктуры (для очистки стоков, управления отходами, развития «зеленой» энергетики и др.), прежде всего для снижения уже существующего негативного воздействия, а не для роста числа туристов. Напротив, в Забайкальском крае, Амурской области и других регионах развитие современной инфраструктуры связано с увеличением туристического потока и вовлечением новых компонентов природного капитала в сферу региональной экономики. Многие уникальные природные объекты, в том числе имеющие большой бальнеологический потенциал, остаются практически недоступными в транспортном отношении (Кодар, Чарские пески, множество ценных минеральных источников Хингана, Хэнтэй-Чикойского нагорья и др). Для включения их в сферу рекреационно-туристской деятельности необходимо решить также и комплекс задач по созданию средозащитной инфраструктуры, чтобы в случае доступности обеспечить их защиту от экологической деградации и необратимых изменений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования говорят о том, что динамика развития туризма на востоке и западе России имеет общую тенденцию к увеличению туристического потока. Однако характер и экономические последствия этого явления неодинаковы и требуют разных управленческих решений.

Важную роль в развитии туристского сектора на востоке страны играет возрастающий туристический поток из КНР, который легко «внедряется» в российскую институциональную среду со своими правилами и традициями. В КНР деятельность иностранных турфирм жестко ограничена, и на внутреннем туристском рынке доминируют китайские фирмы. Барьерная функция [16] китайских границ проявляется гораздо более отчетливо, чем российских. Следствием этого стала очевидная асимметрия в распределении выгод и ущерба между российской и китайской сторонами. Россия при этом несет бюджетные, ресурсные и экологические потери. Особенно уязвимы в экологическом отношении восточные регионы, где туризм фактически является одним из видов природопользования.

Есть существенные различия и внутри восточной группы регионов, как в динамике развития рекреационно-туристского сектора, так и в определении приоритетных задач. Их успешное решение возможно лишь в условиях гибкого формирования новых институциональных форм взаимодействия региональных органов управления и частного бизнеса, качественного «институционального проектирования» [17, 18]. Важнейший фактор развития туризма — наличие региональных финансовых ресурсов, что проблематично в условиях бюджетного федерализма [19, 20]. Использование финансовых потоков федерального бюджета сопряжено с жесткими правилами, неадекватными разнообразным задачам, и часто требует высоких, иногда неприемлемых, транзакционных издержек.

Дальневосточные институциональные новации последних нескольких лет [21] еще не принесли заметных экономических результатов в развитии туризма. Тем не менее смещение регулирующих мер в рекреационно-туристском секторе на региональный уровень необходимо. Финансовые ресурсы для этого могут дать таможенные доходы на территории приграничных регионов на востоке страны, которые сейчас полностью поступают в федеральный бюджет. Это позволит находить решения с учетом регионального разнообразия динамики быстро меняющихся как внутренних, так и внешних условий в период глобализации.

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований СО РАН (Х1.174.1) и проекта Российского научного фонда (16–18–00073).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Glazyrina I.P., Zabelina I.A. The Silk Road economic belt and green growth in the East of Russia // Journ. of Resources and Ecology. — 2016. — Vol. 7 (5). — P. 342–351.
2. *Навстречу «зеленой» экономике России (обзор).* ЮНЭП, 2012 [Электронный ресурс]. — http://www.sustainabledevelopment.ru/upload/File/Reports/ISD_UNEP_GE_Rus.pdf (дата обращения 20.01.2019).
3. Деркачёва Л.Н., Куликов А.П. Биоразнообразие заповедников Приморского края — основа развития познавательного туризма // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. — 2017. — № 5. — С. 37–49.
4. Саранча М.А., Очкасова И.С. Состояние туристской маршрутной сети и программ экологической тематики Иркутской области // СЕРВИС PLUS. — 2017. — Т. 11, № 4. — С. 49–54.
5. Gill D.A., Schuhmann P.W., Oxenford Y.A. Recreational diver preferences for reef fish attributes: economic implications of future changes // Ecological Economics. — 2015. — Vol. 111. — P. 48–57.
6. Marques A., Rodrigues J., Lenzen M., Domingos T. Income-based environmental responsibility // Ecological Economics. — 2012. — Vol. 84. — P. 57–73.
7. Daly H., Farley J. Ecological Economics: Principles and Applications. — Washington: Island Press, 2003. — 450 p.
8. *Отчет агентства по туризму Иркутской области о проделанной работе за январь–декабрь 2017 года* [Электронный ресурс]. — <http://irkobl.ru/sites/tour/report/Отчет%20на%20сайт%20за%202017%20год.pdf> (дата обращения 20.01.2019).
9. Глазырина И.П., Пешков А.Е. Парадоксы приграничного туризма на востоке России // Изв. Урал. горн. ун-та. — 2018. — Вып. 4 (52). — С. 111–117.
10. Marshall G.R. Transaction costs, collective action and adaptation in managing socio-economic system // Ecological Economics. — 2013. — Vol. 88. — P. 185–194.
11. Глазырина И.П. Транзакционные издержки в управлении природными ресурсами: обзор зарубежных подходов // ЭКО. — 2016. — № 12 (510). — С. 165–179.
12. Евстропьева О.В., Корытный Л.М. Рекреационная география и инновации в туризме // География и природ. ресурсы. — 2015. — № 1. — С. 198–199.

13. **Корытный Л.М., Евстропьева О.В.** О разработке правил организации туризма и отдыха в центральной экологической зоне Байкальской природной территории // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2018. — Т. 12, № 3. — С. 31–42.
14. **Glazyrina I., Lavlinskii S.** Economic and ecological models in Russia's mining sector // Regional Research of Russia. — 2017. — Vol. 7, N 2. — P. 180–187.
15. **Хандажапова Л.М., Лубсанова Н.Б.** Экономические, экологические и социальные проблемы развития туризма на Байкале // ЭКО. — 2013. — № 3 (465). — С. 132–137.
16. **Колосов В.А.** Парадоксы глобализации и усиливающиеся барьерные функции границ в современном мире // Региональные исследования. — 2018. — № 3 (61). — С. 9–18.
17. **Тамбовцев В.Л.** Основы институционального проектирования. — М.: ИНФРА-М, 2008. — 144 с.
18. **Ostrom E.** A general framework for analyzing sustainability of social-ecological systems // Science. — 2009. — Vol. 325, Issue 5939. — P. 419–422.
19. **Зубаревич Н.В.** Социально-экономическое развитие и состояние бюджетов регионов в 2017 г. // Экономическое развитие России. — 2018. — Т. 25, № 2. — С. 69–77.
20. **Малкина М.Ю., Балакин Р.В.** Исследование налоговых поступлений в РФ, федеральных округах и регионах РФ с использованием логарифмического метода факторного анализа // Налоги и налогообложение. — 2016. — № 2. — С. 190–208.
21. **Антонова Н.Е., Ломакина Н.В.** Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2018. — № 1. — С. 43–56.

Поступила в редакцию 12.02.2019

После доработки 27.03.2019

Принята к публикации 26.06.2019
